М. Ю. Матвеев

Национальные библиотеки: парадоксы истории

В истории национальных библиотек существует проблем, не имеющих однозначного решения. В их числе – определение самого понятия «национальная библиотека», вариативность начальной «точки отсчета» их истории в зависимости от становления государства, исторического названия библиотеки и ряда других факторов, не поддающийся обобщению набор выполняемых функций, их смешение с функциями других библиотек, меняющаяся с течением времени концепция развития, противоречивые взгляды общества на их деятельность, трудности, связанные с объяснением целей и задач национальных библиотек широкой публике, и др. Многие парадоксы истории национальных библиотек оказываются связанными с их восприятием исключительно как символов нации, завышенными представлениями о своих возможностях, зависимостью от истории конкретного государства и проводимой им культурной политики, а также слабой изученностью ряда направлений и сторон их деятельности, включая формирование имиджа.

Ключевые слова: национальная библиотека, библиотечное дело, имидж библиотеки, общество и библиотеки, читатели библиотек, чтение

Michail Yu. Matveev

National libraries: the paradoxes of history

In the history of national libraries, there are a number of problems that do not have a unique solution. Among them are the definition of the concept of «national library» itself, the variability of the initial «reference point» of their history depending on the formation of the state, the historical name of the library and a number of other factors, a generalizable set of functions performed, their mixing with functions other libraries, the changing concept of development over time, the conflicting views of society on their activities, the difficulties associated with explaining the goals and objectives and tasks of national libraries flowed to the general public, etc. Many of the paradoxes of the history of national libraries turn out to be related to their perception exclusively as symbols of the nation, overestimated ideas about their capabilities, dependence on the history of a particular state and its cultural policy, as well as poor knowledge of a number of directions and aspects of their activities, including image building.

Keywords: national library, librarianship, image of a library, society and libraries, library readers, reading
DOI 10.30725/2619-0303-2020-1-154-163

На первый взгляд, национальные библиотеки (далее НБ) различных стран мира – хорошо заметные и изученные учреждения, чтобы применительно к ним можно было говорить о каких-либо неясностях. Однако на самом деле это не так: перед каждым исследователем НБ встает целый ряд вопросов, на которые очень сложно найти однозначные ответы. Связано это со многими причинами: и со спецификой возникновения данных библиотек, которую невозможно свести к «общему знаменателю», и с многообразием выполняемых ими функций, и с существенными различиями в возможностях между различными НБ.

В длительной и насыщенной событиями истории НБ (некоторые из них существуют более 200 лет) имеется множество парадоксов. Самый заметный из них – это *неопределенность базового понятия*: единой дефиниции, удовлетворяющей всех исследователей, до сих пор не существует. Практически все имеющие-

ся определения того, что же такое НБ, – определения описательные: в них перечисляются основные, возможные и желательные функции НБ, но не приводится краткое выражение сути самого термина [1, р. 6–7]. Кроме того, НБ, как никакая другая библиотека, оказывается зависимой от внешних факторов, которые различаются от страны к стране, а именно от размера государства, истории национальной культуры, уровня экономического развития и проводимой властями культурной политики.

Следует помнить и о том, что прилагательное «национальный» образуется как от слова «нация», так и от слова «национальность». Соответственно, в первом случае НБ – понятие общегосударственное, во втором – этническое. Более того, главные библиотеки некоторых стран (Болгарии, Словакии, Словении) формально именуются «народными», что еще более запутывает проблему. В советском библиотечном термине «национальная би-

блиотека» долгое время вообще отсутствовал, и это объяснялось спецификой понимания данного понятия: оно казалось противоречащим многонациональному составу СССР. Его первое упоминание в середине 1960-х гг. было вынужденным, связанным с необходимостью обсуждения функций главных библиотек страны, а окончательно он утвердился в отечественной библиотечной печати лишь в конце 1980-х гг. [2, с. 707].

На понимании сути НБ сказывается и история самой страны, которую она представляет: в государствах с федеративной структурой, зачастую имеющих несколько НБ, в понятие «нация» вкладывается несколько иной смысл, чем в государствах без сложного административно-территориального деления.

Существенными представляются и изменения в «наборе» выполняемых функций: в разные эпохи и библиотекари, и читающая публика воспринимали деятельность НБ по-разному. К примеру, такие понятия как «лидерство в национальной библиотечной системе», «международное сотрудничество в области библиотечного дела», «центр научно-исследовательской работы в области библиотекведения, библиографии и истории книги» в качестве официально выполняемых НБ функций появились только во второй половине XX в., а планомерное изучение своих читателей и продвижение книги и чтения, за исключением двух-трех крупнейших библиотек мира, вышло на повестку дня только в 1990-х гг., причем далеко не в каждой НБ.

На наш взгляд, наиболее точное современное определение НБ принадлежит южноафриканскому библиотековеду П. Лору: НБ – это финансирующееся по преимуществу государством учреждение, которое несет ответственность за сбор, библиографическое описание, сохранение и предоставление в публичное пользование документального наследия определенной страны, способствует эффективному функционированию национальной библиотечно-информационной системы, координирует деятельность имеющихся библиотек и представляет библиотечное дело своей страны на международном уровне [1, р. 7]. Нетрудно заметить, что подобная дефиниция тоже выглядит описательной, громоздкой и к тому же трудно запоминается.

Следующий парадокс не менее удивителен: *применительно к НБ трудно говорить о четкой дате основания, однозначно сформулированных причинах открытия и признаках, отличающих эти библиотеки от других учреждений.* Специфика НБ состоит в том, что в

разных странах они возникали в разное время и разными путями. Так, во Франции, Великобритании и Австрии основу фондов НБ составили королевские библиотеки, в Польше и Венгрии – библиотеки аристократии и высшего духовенства и т. д. По вопросу о том, когда же зародились НБ и чем было обусловлено их появление, единого мнения в библиотечной литературе нет. Имеющиеся точки зрения можно представить следующим образом.

- Главный признак НБ – выполнение функции национального книгохранилища, следовательно, их возникновение связано с зарождением системы обязательного экземпляра (к примеру, точкой отсчета для Королевской библиотеки в Стокгольме в качестве НБ Швеции и датой ее основания стал 1661 г. – год принятия декрета об обязательном экземпляре [3, с. 130]). В данном случае возникают несколько возражений:

- а) получение обязательного экземпляра может опережать по времени образование НБ как таковой. Самый ранний пример введения обязательного экземпляра относится к Франции: он был установлен в 1537 г. королем Франциском I для Королевской библиотеки. Для посетителей она открылась в 1737 г., а была преобразована в НБ только в 1795 г. [4, с. 72–74];

- б) может иметь место и обратная ситуация: из-за исторических условий развития страны и политики властей обязательный экземпляр начинает поступать спустя многие десятилетия после образования НБ. Так, главная библиотека Люксембурга была основана в 1798 г., в качестве НБ официально работает с 1899 г., но обязательный экземпляр она начала получать только с 1958 г. [5, р. 25];

- в) обязательный экземпляр в федеративном государстве не обязательно распространялся на все земли [6, с. 92–93]. Кроме того, эту функцию нельзя считать присущей только НБ. И действительно, в ряде случаев первыми обязательный экземпляр документов стали получать не НБ, а университетские библиотеки (так было в Праге (1791), Будапеште (1792), Вене (1807) и др.) [7, с. 78]. Это же самое можно сказать и о России применительно к Библиотеке Академии наук (по такой логике, это и есть первая НБ нашей страны);

- г) бывает и так, что в стране вообще нет закона об обязательном экземпляре, что, однако, не мешает существованию НБ. Яркий пример – Швейцария, в которой действует добровольное соглашение 1915 г., согласно которому все швейцарские книготорговцы и книгоиздатели передают НБ по одному бес-

платному экземпляру (кроме дорогостоящих библиофильских изданий) [8].

- Можно основываться на том факте, что многие НБ были созданы на базе существовавших ранее королевских и университетских библиотек, история которых насчитывает не одно столетие, и «отодвинуть» их возникновение далеко назад [9, р. 1]. Здесь, однако, происходит смешение функций разных библиотек. В целом же получается, что у большинства НБ стран Европы вообще нет четких дат основания, пусть даже они и приводятся в библиотековедческой литературе: все зависит от того, с какой же меркой подходить к их истории [10, с. 82].

- Имеется и противоположная точка зрения: дата зарождения НБ может ассоциироваться не с ее «королевской» историей, а с тем моментом, когда в нее получила доступ широкая публика. Так в 1793 г. стала общедоступной Королевская библиотека в Копенгагене, и именно с этого года она рассматривается как НБ Дании [3, с. 151]. Проблема в данном случае заключается как в трактовке «королевского» периода, так и в обосновании того, почему же НБ в современном смысле этого слова была организована в строго определенный момент времени – не раньше и не позже.

- Возникновение и развитие НБ можно связать с процессом становления в той или иной стране нового государственного строя. В историческом ракурсе это, прежде всего, замена феодальных отношений капиталистическими, которая привела к необходимости создания централизованных учреждений в целях руководства всеми отраслями жизни нации. При таком подходе остается признать, что первая НБ была создана в 1795 г. во Франции как следствие буржуазной революции 1789 г. (именно в 1795 г. эта библиотека, имевшая многовековую «королевскую» историю, восходящую к 1367 г., стала именоваться национальной) [11, с. 13]. Данная точка зрения представляется одной из наиболее убедительных: около 30 % всех существующих ныне НБ были учреждены или получили соответствующий статус в течение первых трех четвертей XIX в. (т. е. в период становления буржуазных государств Европы и Америки), и еще 30 % – в процессе возникновения новых самостоятельных государств Африки и Азии во второй половине XX в. [12, с. 136]. Акт учреждения НБ во всех этих случаях был одним из выражений стремления обновленного общества к консолидации собственного культурного наследия и к аккумуляции результатов мирового исторического процесса. Суть служения НБ обществу означала, таким образом, не столько обязан-

ности удовлетворения запросов всех граждан, сколько содействие общему прогрессу страны в целом.

Наибольшее значение НБ имеет тогда, когда она не только является одним из символов государства, но и учреждением, спланивающим нацию. Именно такова была история многих НБ стран Латинской Америки, где они сразу формировались как один из важнейших институтов государства (а зачастую – одновременно с обретением им независимости). Так в Перу, получившем независимость от Испании в 1821 г., сразу же была основана и НБ. В 1830 г. распалась основанная С. Боливаром Великая Колумбия, в качестве самостоятельного государства на карте появляется Эквадор, а как один из институтов его государственности – НБ в Кито, созданная на базе работавшей с 1792 г. библиотеки Орденской коллегии. В год провозглашения независимости Боливии (1836 г.) была основана и НБ в Сукре. Иногда образование НБ предшествовало провозглашению независимости и было одним из шагов к ее обретению. В частности, о решении создать НБ Чили правительство этой страны сообщило в 1813 г., а обязательный экземпляр эта библиотека получает с 1818 г. – года провозглашения независимости Чили [3, с. 192, 195].

Недостаток подобного подхода заключается в том, что он отнюдь не универсален. Взаимосвязь между созданием НБ и образованием (получением независимости) самого государства прослеживается на примере стран Латинской Америки, Африки и некоторых стран Азии, но она гораздо менее очевидна применительно к Европе. В данном случае достаточно упомянуть феномен Австро-Венгерской империи – многонационального и многоязычного государства, в котором существовали «титультные» НБ (т. е. Австрии и Венгрии), но в то же время постепенно развивались библиотеки, впоследствии ставшие НБ Боснии и Герцеговины, Словении, Хорватии [13, с. 26].

- Наконец, основание НБ можно увязать с формированием нации как таковой. В таком аспекте НБ возникают тогда, когда основным вопросом национального самосознания становится формирование и утверждение национального языка, образуются литературные общества, возникает интерес к сбору патриотики [14, с. 26–27]. Однако в данном случае пример стран Латинской Америки оказывается как раз нехарактерным: НБ стран, основной язык которых испанский или португальский, не ставят перед собой задачу сбора с истерпяющей полнотой литературы, выходящей в мире на их государственном языке, поскольку

он в этих государствах не играет роли основы консолидации нации [10, с. 82]. Кроме того, случалось и так, что дата основания НБ как государственного института не совпадала с датой основания НБ как института, который собирает литературу на национальном языке. Так, зарождение НБ Словакии относится к 1863 г., когда в г. Мартине было создано культурно-просветительное общество «Матица Словацкая», которое выполняло функции национального музея, научно-исследовательского центра, центрального издательства книг на словацком языке и библиотеки, собирающей памятники словацкого письменности. Как НБ она официально стала работать только с 1941 г., а право на получение обязательного экземпляра получила в 1947 г.

Так или иначе, но дата создания для многих НБ оказывается размытой: в одних случаях ранее существовали другие библиотеки, в определенной степени выполняющие их функции, в других – долго тянулся процесс преобразования имевшихся королевских собраний и т. д. К примеру, НБ Чешской Республики, официально созданная в 1958 г. как Государственная библиотека ЧССР, ведет свою историю от библиотеки Карлова университета в Праге (основан в 1348 г.). В 1773 г. указом императрицы Священной Римской империи Марии Терезии на базе библиотек Карлова университета и Ордена иезуитов была основана единая Императорско-королевская публичная и университетская библиотека, доступная всем, занимающимся научной деятельностью. В 1786 г. из нее выделилось отделение «Национальная библиотека», преобразованное в 1925 г. в НБ. С 1935 г. библиотека называлась Национальной и университетской, в 1949 г. произошло ее отделение от университета, а спустя несколько лет она вошла в Государственную библиотеку ЧССР.

Еще один пример – Национальная и университетская библиотека Словении, основанная в 1774 г. указом той же Марии Терезии как библиотека Люблянского лица. С 1807 г. она получала обязательный экземпляр изданий провинции Карньюла. В 1850 г. лицей был закрыт, а библиотека стала Главной справочной библиотекой провинции. В 1919 г. была переименована в Государственную справочную библиотеку, с 1938 г. именовалась университетской, с 1945 г. получила современное наименование. Вполне понятно, что «точку отсчета» в подобных случаях выделить весьма сложно [15, с. 962–963].

Случалось и так, что НБ носила «нехарактерное» название, на протяжении многих лет

находясь, к примеру, в пределах национального музея (в Великобритании и в Венгрии) [16, с. 711–712].

Функции, выполняемые НБ в тот или иной исторический период, таят в себе некоторую недосказанность, что также приводит к парадоксальным ситуациям. Так, если брать наиболее «старые» библиотеки, имеющие «королевское» («императорское») прошлое, то можно обнаружить, что реальной целью их учреждения было отражение наглядного доказательства мощи и состоятельности государства, его верховной власти, а вовсе не стремление улучшить положение с образованием и просвещением в стране. Иными словами, НБ, наравне с национальным музеем и театром, была своеобразной «визитной карточкой» государства. Ею можно было похвалиться перед соседями, но учреждение подобной библиотеки чаще всего никак не отражалось на открытии и развитии других книгохранилищ.

В свою очередь, многие НБ, возникшие после Французской революции, олицетворяли собой новую идею: они представляли общую культуру нации, формально доступную для всех и каждого. Однако вплоть до последней четверти XX в. они были скорее элитарными книгохранилищами для избранной публики (прежде всего для ученых и исследователей), чем действительно «дружественными» по отношению к пользователям учреждениями.

Впоследствии, ближе к современности, концепция НБ приобрела иное значение: эти библиотеки стали наглядными свидетельствами вклада своей страны в мировую культуру. Но дело в том, что в современных условиях под такое определение неплохо подходит и некий национальный портал, уже не очень и похожий на учреждение культуры и непонятно на кого ориентированный, тем более что и сами НБ все более активно используют достижения научно-технического прогресса [17, р. 49].

В конце XX – начале XXI в. появилась новая точка зрения: важны не столько зафиксированные в законах и уставах функции НБ и их официальные концепции, сколько то, как эти библиотеки воспринимает читающая публика. Соответственно, НБ возникают тогда, когда библиотека становится местом, где люди могут не только приобретать знания, но и формировать собственное мнение. Это относится и к сравнительно недавно учрежденным НБ стран СНГ [18, р. 139–141]. Такой подход тоже не бесспорен: формировать свое мнение можно не только в библиотеках, тем более что НБ, на протяжении всей своей истории традиционно считающиеся самыми консервативными, чо-

порными и медлительными из всех библиотек, меньше всего подходили на роль дискуссионного клуба.

Функции, выполняемые различными НБ, вызывают вопросы и сами по себе: в ряде случаев эти библиотеки несут на себе «дополнительную нагрузку», вроде бы совершенно лишнюю для национальных книгохранилищ. В мировой практике встречается несколько вариантов: национальная и парламентская библиотека, национальная и университетская, национальная и публичная, объединенная библиотечная служба.

НБ, выполняющая функции парламентской (например, Библиотека Конгресса США или основанная по ее образу и подобию НБ Японии, а также НБ Эстонии), – достаточно редкий, но весьма выигрышный вариант, означающий высокий статус, значительное финансирование и приближенность к органам власти. В то же время обобщающий образ такой библиотеки отличается от НБ в классическом смысле этого слова: в подобных библиотеках есть развитая справочная служба с большим штатом работников, нацеленная непосредственно на выполнение запросов членов парламента – по сути, библиотека в библиотеке. Подобная «дополнительная функция» далеко не бесспорна: те запросы, которые НБ выполняет для правительства, не идентичны тем услугам, которые требуются для страны в целом (тем более что во многих странах законодательные собрания имеют собственные специальные библиотеки) [19, p. 62].

Национальная и университетская библиотека – достаточно распространенный «симбиоз» двух типов библиотек, который, однако, в развитых странах уже уходит в прошлое. Наиболее яркими примерами в этом отношении до начала XXI в. были Университетская библиотека Норвегии, Библиотека Хельсинкского университета в Финляндии и Еврейская национальная и университетская библиотека в Израиле, ставшие ныне отдельными НБ.

Преимущества «академического» подхода очевидны и мало чем отличаются от приведенного выше первого варианта: это высокий статус самого учреждения (и в области культуры, и в области науки), сильный штат сотрудников и стабильное комплектование. Тем не менее недостатки есть и в данном случае. Прежде всего, у НБ и университетских библиотек есть существенные различия, связанные с обслуживанием пользователей и политической комплектования. В частности, это касается сохранности материалов и количества изданий, представленных на открытом доступе: НБ трудно по-

зволить себе то, что может делать университетская библиотека. В то же время сказывается «ореол» излишней замкнутости и «учености» (пороку замкнутость оказывается связанной с непосредственным местоположением библиотеки в академическом городке). В современных условиях, когда НБ стремятся расширить круг своих пользователей, такой вариант становится все менее и менее подходящим. Кроме того, здесь возможны и упреки в бедности ресурсов или же излишней экономии: в независимости от количества университетских библиотек сильная НБ уже сама по себе является свидетельством того, что в стране существует развитая система образования, начиная от студента и кончая академиком.

Сочетание функций главной публичной и национальной библиотеки характерно для библиотек развивающихся стран. По мере совершенствования библиотечной системы страны, первая функция перестает играть определяющую роль и становится равной второй, а иногда и вовсе исчезает. Так НБ Марокко была создана в 1919 г. как общедоступная библиотека, возглавлявшая публичные библиотеки страны, и как хранилище национального культурного наследия. С конца 1980-х гг. она стала выполнять только функции НБ. Аналогичным, хотя и более длинным путем шла НБ Колумбии: основанная в 1777 г. как Королевская публичная библиотека, она выполняла функции публичной и учебной библиотеки до середины 1990-х гг. [20, с. 27] В свою очередь, у НБ Сингапура функция публичной библиотеки сохранилась, но перестала играть главенствующую роль [21, с. 13].

Главными недостатками подобного совмещения функций являются излишняя нагрузка на главную библиотеку страны и чрезмерная изнашиваемость фондов: НБ все-таки не должна заменять собой публичные библиотеки. В то же время некоторые НБ (в особенности в Африке) вынуждены заниматься обслуживанием населения в отдаленных сельских районах и иметь филиалы и библиобусы наподобие обычных публичных библиотек: европейская модель НБ плохо работает в странах с многовековой устной традицией и большим количеством неграмотного населения [22, p. 75–76].

В качестве примера объединенной службы можно привести Национальную библиотечную службу Барбадоса, созданную в 1985 г. В нее вошли публичная библиотека (основана в 1847 г.), библиотеки различных правительственных учреждений и технические службы (отделы комплектования, каталогизации, автоматизации, микрофильмирования и рестав-

рации). Созданию службы предшествовала организация Национального совета библиотек, архивов и центров документации, который высказался против создания НБ в пользу сети публичных библиотек. Назвать такое решение идеальным сложно, поскольку в данном случае нет целостного образа ведущей библиотеки страны. Кроме того, можно упомянуть и один из основных факторов, повлиявших на отсутствие НБ: Барбадос – маленький остров с ограниченными информационными ресурсами, и именно поэтому было решено не создавать отдельную НБ, а предоставлять информацию через публичные и ведомственные библиотеки всем, кому она необходима [23, с. 17].

В целом же дело заключается не столько в отличии подходов к функциям НБ в тех или иных странах, сколько в том, что у разных НБ существуют разные пределы возможностей, и это будет ощущаться еще долгое время.

С точки зрения рядового читателя НБ всегда была «вещью в себе»: это библиотека, которая сама себя так называет, но что за этим стоит – решительно непонятно. И действительно, подавляющая часть читательских запросов не требует привлечения именно НБ, эта библиотека во многом дублирует то, что имеется и в других библиотеках, ее декларируемая общедоступность относительна (хотя бы из-за чисто географических причин), издания на дом из нее, как правило, не выдаются, логика размещения фондов и коллекций не всегда очевидна, отношение к дарам читателей может существенно отличаться от других библиотек (необходимо ли подаренное издание вообще и если да, то где именно и что с ним сделают), ряд отделов НБ не связан с непосредственным обслуживанием читателей, универсальность фонда сочетается с присущим многим НБ уклоном в сторону гуманитарных наук и т. д. [24, р. 1–7]. Подобные казусы очень трудно объяснить читающей публике – во всяком случае, доступным и понятным языком.

Еще один парадокс истории НБ состоит в том, что ни один исследователь не может предоставить достаточно убедительное обоснование того, сколько же НБ должно быть в одном государстве. Казалось бы, чем больше и богаче страна, тем больше поводов иметь несколько НБ: по крайней мере, появляется возможность распределять нагрузку, точнее определять функции, налаживать сотрудничество и т. д. Однако на самом деле на количество НБ нередко влияют совсем иные факторы, связанные не столько с самим библиотечным делом, сколько с особенностями исторического развития и федеративной структурой некоторых

государств (так, в сравнительно небольшой Италии статусом национальной обладают восемь библиотек). Такое положение вызывает, конечно, определенные неудобства: ни одна из таких НБ не может говорить от имени всех библиотек государства и единолично представлять страну в международных программах.

По мнению одного из крупнейших специалистов по НБ, бывшего директора Британской библиотеки М. Лайна, проанализировавшего целый ряд признаков (начиная от размера страны, ее климата, плотности населения, состояния экономики и транспортных коммуникаций и кончая ситуацией в области образования), явных закономерностей в данном вопросе вообще нет, равно как нет и четких рекомендаций [19, р. 60–62].

Между тем на деятельность НБ в настоящее время все большее влияние начинают оказывать финансовые ограничения и сокращения экономики. Крайний случай реструктуризации (т. е. оптимизации) – уменьшение числа самих НБ (в том случае, если их в стране несколько). Характерный пример – образование в 1999 г. НБ ЮАР путем объединения основанной в 1887 г. Государственной библиотеки в Претории и учрежденной в 1818 г. Библиотеки Южной Африки в Кейптауне. Еще один пример – объединение в 2017 г. Государственной и университетской библиотеки и Королевской библиотеки Дании в одну НБ. Вполне очевидно, что уменьшение числа НБ в пределах отдельной страны, тем более имеющих длительную историю, – это существенный имиджевый урон для всего государства и болезненная перестройка управления библиотеками, и никакая экономия этого не оправдает.

Наличие нескольких НБ в стране с разными культурными традициями и обособленными историческими областями, но единым государственным языком – отдельный повод для размышлений. В этом отношении характерен пример Великобритании, где имеются три универсальные по составу фондов НБ, но само понятие «национальный» поддается объяснению с большим трудом (пусть даже НБ Шотландии и Уэльса и собирают литературу на языках коренных народов). В результате в названии главной библиотеки страны – Британской – это прилагательное вообще отсутствует, что, возможно, является оптимальным в существующей ситуации. Если же вспомнить некоторые другие НБ, например Квебека или Каталонии, то поставленный выше вопрос об оптимальном количестве НБ в государстве становится еще более неоднозначным: наличие нескольких библиотек такого типа – это показатель неустой-

чивости государства, конфронтации регионов и подспудно тлеющих конфликтов [25, р. 121].

Что касается отечественных реалий, то здесь положение еще более запутанное: «В России, как ни в одной стране мира, кроме общегосударственных НБ, существует еще целый ряд НБ республик РФ и автономных округов, отношения с которыми недостаточно ограничивать лишь координацией „по горизонтали“. Отношения между РГБ, РНБ и РКП (Российской книжной палатой – М. М.) тоже оказываются проблемой, неизвестной многим другим странам, в которых функции сбора, регистрации, библиографического учета основных отечественных публикаций и другие функции осуществляются одним институтом – НБ. Если следовать формальной логике, то лучше всего было бы перенести такую схему и в Россию. Однако сложившиеся отечественные традиции препятствуют такому решению... Сотрудничество РГБ с РНБ и РКП развивается на основе взаимопонимания и доброй воли, хотя вполне очевидно, что проблем и трудностей в разделении и кооперации очень много, и они, похоже, не убывают» [26, с. 8–9].

Наличие в многонациональном государстве одной НБ – ничуть не меньшая проблема: определенный уклон в сторону большинства все равно будет иметь место, даже если библиотека его тщательно избегает. Можно сказать, что все НБ исторически сложились как символы культурной идентичности, но идентичности титульной и доминирующей культуры, а отсюда – и сложности с построением обобщающего образа для всех жителей государства. Теоретически НБ должны иметь в своих фондах все издания, представляющие культурное разнообразие страны, но на практике этого достичь трудно, в особенности в настоящее время, когда увеличивается мобильность людей в национальных общинах и все большее количество материалов выходит в электронном виде. Существенную сложность представляет и языковой барьер: далеко не каждая НБ может себе позволить иметь специалистов по всем языкам страны (а ведь в идеале не следует упускать из виду и устный фольклор, который для некоторых национальностей может оказаться не менее важным, чем письменный).

Наконец, можно упомянуть и совсем уж удивительный парадокс: *хотя количество НБ в целом невелико, никто не может сказать, сколько же их имеется в мире*. Это кажется невероятным, но практически все исследователи истории библиотек уклоняются от точного ответа, пусть даже и под разными предлогами.

В данном случае можно назвать две основные причины подобного положения.

Первая из них – это специфика развития отдельных территорий, находящихся под протекторатом другого государства, но формально имеющих свою НБ. Следует ли, к примеру, учитывать НБ Британских Виргинских островов, Гибралтара, Джерси, Федерации Сент-Китс и Невис, Острова Мэн, или по умолчанию отнести все это к Великобритании? А как рассматривать НБ Гренландии, если Гренландия относится к Дании?

Вторая причина – наличие во многих странах так называемых паранациональных библиотек, под которыми понимаются крупнейшие отраслевые библиотеки, формирующие фонды в соответствии со своим профилем и несущие за их сохранность и использование ответственность, соответствующую статусу НБ. Но вот почему в том или ином случае были основаны «дополнительные» НБ и чем был обусловлен выбор конкретной отрасли знания, понять сложно, поскольку нет четкой «разделительной линии» между научными дисциплинами, особенно в области социальных наук. Между тем официально такие библиотеки именуются именно национальными [27, р. 15]. В некоторых государствах может одновременно существовать несколько таких библиотек: к примеру, в США имеются Национальная медицинская, Национальная сельскохозяйственная, Национальная экологическая и Национальная транспортная библиотеки, а в Великобритании – Национальная библиотека института кино, Национальная библиотека для слепых и Национальная океанографическая библиотека. Весьма любопытным представляется то, что по такой логике паранациональными могли бы считаться крупнейшие российские отраслевые библиотеки федерального подчинения вроде ГПНТБ, ГПИБ России или ВГБИЛ, но в нашей стране подобная практика не сложилась.

В целом, если подходить по формальному принципу, т. е. учитывать все библиотеки, в названии которых есть слово «национальная», а также все прочие, которые официально выполняют их функции в масштабе государства (университетские, публичные и др.), то их общее число, по подсчетам автора, составит порядка 314 библиотек. Это, так сказать, «верхняя планка», но такой подход не является бесспорным.

Итак, чем же все-таки обусловлены парадоксальные ситуации, связанные с НБ? Здесь можно выделить три основные причины.

Первая из них состоит в том, что НБ в некотором смысле слова стали пленницами своего прошлого: более «старые» из них унаследовали книги и традиции королевских, императорских и университетских библиотек, а более «молодые» были основаны не столько для развития библиотечного дела в стране, сколько как символы нации. При этом у НБ чаще всего не было ясных и долговременных целей своего развития или же эти цели (к примеру, сбор мирового печатного наследия) были явно недостижимыми [28, p. VII].

Вторая причина связана с зависимостью НБ от многих внешних факторов и обстоятельств (прежде всего от истории самого государства): в отличие от других типов библиотек, они представляют собой феномен, существенно изменяющийся с течением времени [9, p. 12]. Именно этим и объясняются многие казусы, связанные с восприятием их деятельности, начиная от отсутствия точного определения и кончая крайне противоречивыми прогнозами относительно их будущего.

И, наконец, третья причина заключается в оставании теории от практики: как ни странно, НБ – едва ли не самый малоизученный тип библиотек. В какой-то степени это обусловлено профессиональным стереотипом, довлеющим чуть ли не над всеми библиотековедами мира вплоть до настоящего времени: НБ – настолько уникальные библиотеки и у них все настолько разное, что сравнивать их практически невозможно. Сказалось и не лучшее состояние библиотековедения как науки: при основании той или иной НБ, а также при определении направлений ее развития библиотекари в лучшем случае анализировали опыт работы крупных библиотек соседних государств (и не обязательно национальных) [29], а в худшем – полагались на собственные представления. Удивительно, но первая крупная обзорная работа, посвященная истории НБ различных стран мира и их деятельности, вышла только в 1934 г. [30]. Некоторые вопросы, связанные с деятельностью НБ, остаются малоизученными вплоть до настоящего времени. Так, несмотря на большое количество работ, посвященных имиджу различных библиотек [31], проблемам восприятия НБ обществом уделяется крайне скудное внимание, – и это притом, что они являются символами нации, «визитными карточками» своих государств и нагляднейшим примером достижений и проблем библиотечного дела.

Будущее НБ оставляет простор, как для оптимистических, так и пессимистических прогнозов. В какой степени ресурсы НБ

используются для создания нового знания? Превратятся ли они в музеи книги и старинной библиотечной техники? К чему может привести уменьшение государственного финансирования? Могут ли НБ соревноваться с крупнейшими поставщиками информации в Интернете? Эти и многие другие вопросы еще только ждут своих исследователей.

Список литературы

1. Guidelines for legislation for national library services / prep. by P. J. Lor with the assist. of E. A. S. Sonnekus. Paris, 1997. 86 p.
2. Тюлина Н. И. Национальная библиотека (НБ) // Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 707–708.
3. Володин Б. Ф. Всемирная история библиотек. Санкт-Петербург, 2002. 351, [1] с.
4. Недашковская Т. А. Национальная библиотека Франции сегодня // Открытый доступ: библиотеки за рубежом – 2014/2: сборник / ред.: Н. Ю. Золотова, С. В. Пушкова. Москва, 2014. С. 70–103.
5. Kieffer M. The National library of Luxembourg // Alexandria. 2012. Vol. 23, № 1. P. 24–35.
6. Хаманн О. Проект «Коллекции немецких изданий 1450–1912 гг.» // Библиотекословение. 2004. № 4. С. 92–98.
7. Штребл М. Австрийская национальная библиотека в Вене // Библиотекословение и библиография за рубежом. 1994. Сб. 134. С. 78–84.
8. Ястребова Е. М. Швейцарская национальная библиотека // Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 1164–1165.
9. Zaman H. B. The role of national libraries and their consequent building requirements in developing countries: a doctoral thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the award of the degree of Dr. Ph. of the Loughborough univ. of technology. Loughborough, 1982. 459 p.
10. Володин Б. Ф. Европейский феномен национальной библиотеки: историко-культурологический аспект // Национальная библиотека в современном социокультурном процессе: Румянцевские чтения–2002. Москва, 2002. Вып. 2. С. 80–87.
11. Калайджиева К. Место, роль и задачи национальной библиотеки // Известия Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия. 1968. № 6. С. 13–39.
12. Понятовская О. А. Национальная библиотека в меняющемся мире // Советская библиография. 1992. № 2. С. 135–139.
13. Володин Б. Ф. Феномен национальной библиотеки: историко-культурологический аспект // Вестник Библиотечной Ассамблеи Евразии. 2002. № 4. С. 23–28.
14. Хаваши Э. Особенности НБ социалистического государства // Библиотекословение и библиография за рубежом. 1980. Вып. 78. С. 26–30.
15. Корноушенко Н. Ф. Словении национальная и университетская библиотека // Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 962–963.

16. Степачев Л. М. Национальная библиотека им. Ф. Сечени // Библиотечная энциклопедия. Москва, 2007. С. 711–712.
17. Fuentes-Romero J. J. National libraries: their position with regard to cultural and ethnic minorities // *Alexandria*. 2004. Vol. 16 (1). P. 49–59.
18. Vitiello G. National libraries: the concept and practice, 1700–2000 // *Alexandria*. 2001. Vol. 13, № 3. P. 139–151.
19. Line M. National library and information needs: alternative means of fulfillment with special reference to the role of national libraries. Paris, 1989. 62 p.
20. Кардесабаль Б. Л. Национальная библиотека Колумбии: современное состояние и перспективы развития // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1994. Сб. 135/136. С. 27–32.
21. Багрова И. Ю. Национальные библиотеки в развивающихся странах (по материалам предсессионного семинара ЮНЕСКО / ИФЛА, Москва, 12–16 авг. 1991 г.) // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1994. Вып. 135/136. С. 3–15.
22. Kayaga Mulindwa G. National libraries in Africa: refocusing their work to ensure delivery of services // *Library trends*. 2015. Vol. 64, iss. 1. P. 72–83.
23. Блэкман Д. Национальная библиотечная служба Барбадоса // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1994. Сб. 134. С. 15–19.
24. Cornish G. P. The Role of national libraries in the new information environment. Paris, 1991. 96 p.
25. Byrne A. Necromancy or life support? Libraries, democracy and the concerned intellectual // *Library management*. 2003. Vol. 24, iss. 3. P. 116–125.
26. Федоров В. В. Национальная библиотека в России: от переходных моделей к оптимальной // Национальные библиотеки на пороге XXI века: материалы междунар. семинара, дек. 1998. Санкт-Петербург, 2000. С. 8–11.
27. National libraries' leadership roles and responsibilities: minutes of the Semiannual meeting of the Assoc. of Research Libr. (115th, Bethesda, Maryland, Oct. 18–20, 1989) / ed. by D. Harvey. Washington, 1989. 119 p.
28. Humphreys K. W. A National library in theory and in practice. London, 1988. X, 86 p.
29. Соболевский В. И. Обзор больших библиотек Европы в начале 1859 г. Санкт-Петербург, 1860. [2], 89 с.
30. Arundell E. National libraries of the world. Their history, administration and public services. London, 1934. XII, 386 p.
31. Матвеев М. Ю. Исследование проблем имиджа библиотек в зарубежных странах (1980–2000-е гг.) // Библиотековедение. 2006. № 6. С. 92–96.
3. Volodin B. F. World history of libraries. Saint-Petersburg, 2002. 351, [1] (in Russ.).
4. Nedashkovskaja T. A. National library of France today. *Open Access: Libraries abroad – 2014/2: a coll. of materials* / ed.: N. Ju. Zolotova, S. V. Pushkova. Moscow, 2014. 70–103 (in Russ.).
5. Kieffer M. The National library of Luxembourg. *Alexandria*. 2012. 23 (1), 24–35.
6. Hamann O. Project «Collections of German Publications, 1450–1912». *Library and information science*. 2004. 4, 92–98 (in Russ.).
7. Shtrebl' M. Austrian National Library in Vienna. *Library and information science and bibliography abroad*. 1994. 134, 78–84 (in Russ.).
8. Jastrebova E. M. Swiss national library. *Library encyclopedia*. Moscow, 2007. 1164–1165 (in Russ.).
9. Zaman H. B. The Role of national libraries and their consequent building requirements in developing countries: a doctoral thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the award of the degree of Dr. Ph. of the Loughborough univ. of technology. Loughborough, 1982. 459.
10. Volodin B. F. The European phenomenon of the national library: historical and cultural aspect. *National library in the modern sociocultural process: Rumyantsev readings – 2002*. Moscow, 2002. 2, 80–87 (in Russ.).
11. Kalajdzhieva K. The place, role and tasks of the national library. *News of the People's library named after Cyril and Methodius*. 1968. 6, 13–39 (in Russ.).
12. Ponjatovskaja O. A. National library in a changing world. *Soviet bibliography*. 1992. 2, 135–139 (in Russ.).
13. Volodin B. F. The phenomenon of the national library: historical and cultural aspect. *Bulletin of the Library Association of Eurasia*. 2002. 4, 23–28 (in Russ.).
14. Havashi Je. Features of the national library of the socialist state. *Library and information science and bibliography abroad*. 1980. 78, 26–30 (in Russ.).
15. Kornoushenko N. F. Slovenia national and university library. *Library encyclopedia*. Moscow, 2007. 962–963 (in Russ.).
16. Stepachev L. M. National library F. Secheny. *Library encyclopedia*. Moscow, 2007. 711–712 (in Russ.).
17. Fuentes-Romero J. J. National libraries: their position with regard to cultural and ethnic minorities. *Alexandria*. 2004. 16 (1), 49–59.
18. Vitiello G. National libraries: the concept and practice, 1700–2000. *Alexandria*. 2001. 13 (3), 139–151.
19. Line M. National library and information needs: alternative means of fulfillment with special reference to the role of national libraries. Paris, 1989. 62.
20. Kardesabal' B. L. National library of Colombia: current status and development prospects. *Library and information science and bibliography abroad*. 1994. 135/136, 27–32 (in Russ.).
21. Bagrova I. Ju. National libraries in developing countries (based on materials from the UNESCO / IFLA Pre-Session Seminar, Moscow, Aug. 12–16, 1991). *Library and*

References

1. Lor P. J. (prep.), Sonnekus E. A. (assist.). Guidelines for legislation for national library services. Paris, 1997. 86.
2. Tjulina N. I. National library (NL). *Library encyclopedia*. Moscow, 2007. 707–708 (in Russ.).

- information science and bibliography abroad*. 1994. 135/136, 3–15 (in Russ.).
22. Kayaga Mulindwa G. National libraries in Africa: refocusing their work to ensure delivery of services. *Library trends*. 2015. 64 (1), 72–83.
23. Bljekman D. National library service of Barbados. *Library and information science and bibliography abroad*. 1994. 134, 15–19 (in Russ.).
24. Cornish G. P. The Role of national libraries in the new information environment. Paris, 1991. 96.
25. Byrne A. Necromancy or life support? Libraries, democracy and the concerned intellectual. *Library management*. 2003. 24 (3). 116–125.
26. Fedorov V. V. The National library in Russia: from transitional models to the optimal. *National libraries on the threshold of the 21st century: materials of Intern. workshop*, Dec. 1998. St. Petersburg. St. Petersburg, 2000. 8–11 (in Russ.).
27. Harvey D. (ed.) National libraries' leadership roles and responsibilities: minutes of the Semiannual meeting of the Assoc. of Research Libr. (115th, Bethesda, Maryland, Oct. 18–20, 1989). Washington, 1989. 119.
28. Humphreys K. W. A National library in theory and in practice. London, 1988. X, 86.
29. Sobol'shnikov V. I. Review of large libraries in Europe at the beginning of 1859. St. Petersburg, 1860. [2], 89 (in Russ.).
30. Arundell E. National libraries of the world. Their history, administration and public services. London, 1934. XII, 386.
31. Matveev M. Ju. Studies of the problems of the image of libraries in foreign countries (1980–2000s). *Library and information science*. 2006. 6, 92–96 (in Russ.).